

Л. Е. Бляхер

МОЖНО ЛИ СОГЛАСОВАТЬ СПОНТАННЫЙ ПОРЯДОК И ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО?

Государство vs. локальное сообщество

В МАЛЫХ ГОРОДАХ

Дальнего Востока России

Ключевые слова: территориальное сообщество, спонтанный порядок, полицейское государство, модернизация, социальная сеть, Дальний Восток

Процессы, происходящие на периферии историко-культурных ареалов, представляют особый интерес для исследователя. И дело тут не только и не столько в этнографической экзотике и специфических чертах, характерных для фронтиров. Дело в том, что вследствие периферийности и пограничности подобных территорий сильные концепты, структурирующие воображаемые сообщества¹, действуют здесь заметно слабее. Их влияние отчасти нейтрализуют и сглаживают противостоящие им «через границу» конструкты иных воображаемых сообществ. Да и внимание центра к таким периферийным территориям существенно ниже, поскольку издержки приведения их «к общему знаменателю» и удержания в едином смысловом пространстве очень велики.

¹ Anderson 1983.

Соответственно, в периферийных зонах более выпукло и наглядно проявляются социально-политические процессы, скрытые мощным пластом «больших нарративов» или их «осадков»², продолжающих присутствовать в «ядрах» воображаемых сообществ. Там гораздо чаще возникают лакуны, не поддающийся фиксации с помощью «легальной» оптики, где достаточно быстро формируется порядок, принципиально отличающийся от предписанного официально установленными нормами и институтами. Впрочем, возникнув в лакунарном пространстве, этот порядок далеко не всегда стремится к самопрезентации. По большей части он обнаруживается в виде сопротивления среды, когда государственные формы концептуализации пространства и социальной общности все же пытаются заполнить собой лакуны на периферии.

² Pareto 1935.

Это противостояние между локальным (территориальным) сообществом и государством, стремящимся внедрить формальные правила, не совпадающие с принятыми «на местах» социальными практиками, я и попробую рассмотреть в настоящей работе. В качестве отправного

пункта своих рассуждений я использую модный сегодня концепт «полицейское государство», постаравшись освободить его от наиболее явных публицистических коннотаций.

Термин «полицейское государство» все активнее внедряется и в публицистический, и в научный дискурс, направленный на описание реалий современной России. Однако если в публицистическом дискурсе данный термин наделяется ярко выраженными негативными смыслами³, то в дискурсе научном дело обстоит сложнее. «Полицейское государство» здесь одна из форм политической организации, при которой государственная власть обеспечивает (в том числе насильственными, но легитимными методами) исполнение однозначно трактуемых правил внутри политического пространства страны, в результате чего то перестает быть собственно политическим. «Политическое» же переносится вовне, в сферу межгосударственных отношений⁴.

Ключевое значение в данном контексте приобретает идея общего блага. Именно ссылка на общее благо легитимирует насилие, выступая идеологической основой «наведения порядка». Соответственно, за то или иное понимание общего блага и идет конкуренция. Ведь достаточно усомниться в том, что блага, предоставляемые государством, действительно являются общими, как из легитимного инструмента управления насилие превращается в структурное. Нечто подобное мы и наблюдаем сегодня на Дальнем Востоке — одном из наиболее отдаленных от центра регионов страны, с недавних пор ставшем объектом усиленной государственной «заботы».

События последних лет, так или иначе связанные с восточным вектором российской политики, породили пристальный интерес к социальным и демографическим процессам, развертывающимся на территории Дальневосточного федерального округа. Однако интерес этот носит довольно специфический характер, во многом определяясь теми зачастую мифологическими смыслами, которые транслировали сами дальневосточники в первые годы после распада страны⁵. И в первую очередь это, конечно, «желтая опасность».

О нелегальной миграции из КНР писали (и продолжают писать) исследователи и публицисты⁶, несмотря на явное несоответствие пафоса этих писаний реальному положению дел. Причина возникновения мифа о «китайской угрозе» достаточно очевидна. Регион, на протяжении многих десятилетий существовавший в режиме форпоста, мучительно расставался в первой половине 1990-х годов со своей привычной функцией. Появление на улицах городов китайцев, от которых еще недавно нужно было защищать страну (и с которыми теперь предписывалось дружить), неизбежно порождало тревогу. Из бытового посыла представление о «нашествии мигрантов» проникало в анкеты социологов, экспертные суждения, приобретая все более иррациональные и апокалипсические формы. Поскольку же путь региональных страхов, воплощенных в «научные» тексты, до столичных исследовательских, информационных и политических центров был не ближе, чем до Альфы

³ См., напр. Гудков, Дубин 2004.

⁴ См. Филиппов 2012.

⁵ Подробнее см. Бляхер 2004б.

⁶ См., напр. Гельбрас 2004, Урнов, Касамара 2010; Караганов, Бардачев 2012.

Центавра, то их «свет» продолжал доходить и тогда, когда «китайская угроза» исчезла из массового сознания самих дальневосточников. Даже сегодня регион воспринимается, в том числе и в официальных документах, как «испытывающий внешнее давление»⁷, и защита от этого «давления» преподносится в качестве общего блага, что во многом противоречит региональным установкам.

⁷ См., напр. *Экономическое и социальное развитие б.г.*

Не менее популярным в этом контексте выступает и тезис о демографическом кризисе на Дальнем Востоке, связанном с массовой миграцией населения⁸. Трудно, да и незачем отрицать очевидный факт: население региона за последние десятилетия действительно сократилось почти на 20%. Но не менее очевидно и то обстоятельство, что отток населения является постоянным фактором, действовавшим на всех этапах освоения региона⁹.

⁸ *Мотрич 2006.*

⁹ *Кабузан 1985.*

Чтобы его компенсировать, и предпринимались целенаправленные шаги государства — от предоставления внушительных льгот при царском режиме до оргнаборов и труда заключенных при советском. Труд- и энергозатратные предприятия оборонного комплекса могли функционировать только при сильнейшей поддержке извне. Ее прекращение естественным образом вело к высвобождению работников, что, в условиях их неукорененности, стимулировало отъезд. Это, разумеется, не единственная причина миграции. Уезжали из региона не только рабочие закрывавшихся заводов, но и успешные предприниматели, ученые, музыканты и абитуриенты. Однако именно прекращение государственной поддержки делало отъезд массовым, порождало миграционные ожидания.

В прежние времена в подобных ситуациях регион покидала едва ли не бо́льшая часть населения, исчезали целые города. В 1990-е годы, когда центру в очередной раз стало не до Дальнего Востока, города не исчезли, но качественно изменились. При том что отток населения был меньше, чем в прошлом, сдвиги в социальной структуре носили не менее масштабный характер. В регионе стали складываться специфические социальные отношения, а на месте «трудовых коллективов» возникать некие аналоги общин, ориентированные на выживание и взаимоподдержку. Об этих изменениях, их смысле и направленности, а также о восприятии территориальным сообществом усилий государства по модернизации региона и пойдет речь ниже.

**Колонизация:
от «желтой
угрозы»
до «защиты
от Москвы»**

Я уже не раз писал о своеобразных «тактах» в освоении дальневосточных территорий¹⁰. Для сохранения логики изложения воспроизведу некоторые из высказанных ранее соображений.

В советские годы Дальний Восток был регионом «про запас», регионом «на будущее». Он скорее олицетворял геополитические амбиции страны, нежели воплощал их. Огромного Дальневосточного военного округа не всегда хватало даже на защиту восточных границ. Экономическая же эффективность региона в хозяйстве страны вообще была

¹⁰ См. *Бляхер, Васильева 2009; Бляхер 2010а.*

сомнительной. Как показывают расчеты экономистов, даже в благополучные 1970—1980-е годы регион тратил почти на 26% больше (без учета содержания войск ДВО), чем производил¹¹. Транспортные и энергетические тарифы делали любую произведенную там продукцию «золотой». И если речь шла не о золоте как таковом, не об уране, уникальных биоресурсах или алмазах, продукция оказывалась неконкурентоспособной.

¹¹ *Заусаев 2009.*

¹² *Цымбурский 2000.*

Ключевым был иной — политический — смысл существования региона. Здесь, как считали государственные деятели, да и исследователи, находился естественный рубеж государства, граница «цивилизационной платформы»¹². Более того, такое восприятие региона доминировало и в досоветские времена — по крайней мере, после краха «аляскинского проекта». Граница и подвергалась маркированию, «осваивалась».

¹³ *История 1983.*

Подъем российского флага в Мариинском посту (современный Николаевск-на-Амуре), водружение его на острове Сахалин или на Амурском утесе — месте расположения современного Хабаровска — были куда более значимыми событиями, нежели открытие в регионе серебряных и золотых месторождений. Ведь доходы от последних были минимальными. Так, в конце XVIII столетия на организацию «правильной добычи серебра» казна выделила 25 тыс. рублей, серебра же было добыто менее чем на 26 тыс. Подобное соотношение сохранялось и впредь¹³.

Потенциальное богатство региона нивелировалось его крайней удаленностью от мировых центров, предельной неразвитостью коммуникаций. Регион символически был обозначен как принадлежащий России, хозяйственное же его освоение откладывалось на будущее. Пространство внутри маркированных границ оставалось пустым. Относительно плотно была заселена лишь узкая полоса вдоль верхнего и среднего течения Амура, а также вдоль Дальневосточной железной дороги. Там были работа, жилье, возможность сбыта сельскохозяйственной продукции. А главное — там был *смысл* региона. Население требовалось для того (особенно ясно это стало после Русско-японской войны 1904—1905 гг.), чтобы защищать границу, снабжать армию, обеспечивать коммуникации. Вся остальная территория заселялась точно и фрагментарно (золотоносные рудники, охотничьи поселки, угольные копи и т.д.).

Это свойство региона точно подметил один из первых и наиболее глубоких исследователей Дальнего Востока губернатор Приморья П.Ф.Унтербергер, полагавший, что регион очень пригодится России, когда ее европейская часть окажется перенаселена. Для того чтобы в этой ситуации (по оценке Унтербергера, она должна была сложиться к середине XX в.) избежать массовой миграции граждан за рубеж, и необходим регион «впрок». Нужно сформировать там органы управления, вооруженные силы, хозяйственную и транспортную инфраструктуру, которые потом, когда это понадобится, позволят с легкостью развернуть его в полноценное территориальное образование. То, что регион не в состоянии прокормить за счет собственного производства даже на-

личное население, представляет собой плату за ожидаемые в будущем блага и защиту основной территории страны¹⁴.

¹⁴ Унтербергер 1912.

Плановое хозяйство советского периода не особенно сильно повлияло на «потенциальность» региона. Начиная с 1930-х годов ставка была сделана на развитие ВПК¹⁵. С экономической точки зрения переброска огромного числа грузов, людей и т.п. вряд ли была целесообразной. Но политический смысл региона (форпост и крепость Советского Союза на Дальнем Востоке) полностью покрывал дефицит смысла экономического. В сталинские годы недостаток людей компенсировали лагерями и рабским трудом заключенных, а с наступлением «вегетарианских» времен — военными строителями и «корейскими лесорубами». Эти бесплатные или, во всяком случае, очень дешевые работники несколько снижали издержки строительства «новой жизни». Частично трудовые ресурсы пополнялись с помощью оргнаборов и комсомольских призывов.

¹⁵ Кузин 2004.

Такая стратегия освоения региона обусловила четко прослеживаемые такты в его развитии. Когда Россия была на подъеме, центральное правительство вспоминало, что где-то далеко у него есть гигантские территории, и в регион текли финансовые и людские ресурсы. Но и в периоды «приливов» поддержку получала не любая деятельность. Официально в регионе присутствовало только некое ключевое направление. На разных этапах такими направлениями были пушнина, серебро, золото, железнодорожное строительство, рыбный промысел, ВПК. Смена государственных приоритетов, как правило сопровождавшаяся и сменой «начальства», не приводила к исчезновению «устаревших» форм хозяйственной активности. Однако эти виды деятельности переставали поддерживаться казной и исчезали из официальных отчетов, а люди, ими занимавшиеся, превращались в своего рода социальных невидимок¹⁶.

¹⁶ Говорухин 2007.

В периоды политических осложнений или хозяйственных неурядиц регион переходил в режим консервации. Вместе с прекращением государственной поддержки входящих миграционных потоков прекращались и сами эти потоки. Население заметно сокращалось. Застывала видимая хозяйственная и культурная жизнь. Зато актуализировались «невидимки». Точнее, все пространство внутри региона становилось «невидимым» для государства. Существенной оставалась только задача обороны границы. В «невидимом регионе» резко возрастало значение «невидимых» форм деятельности «невидимых» людей. Местная хозяйственная активность в условиях ослабления административного давления и позволяла пережить трудные времена в ожидании, когда политическая воля вновь направит на дальневосточную окраину людей, финансы и материальные ресурсы.

В результате этих тактов и бесконечной удаленности от основных центров, как национальных, так и мировых, Дальний Восток оставался «осваиваемым регионом». В этом статусе он встретил и очередной период «отлива» в начале 1990-х годов.

¹⁷ Минакир 2001.

Распад СССР, экономический кризис, вызванный разрушением хозяйственных связей, внедрение «экономических критериев» для региональной экономики, основанной на ВПК¹⁷, потрясли хозяйство региона. Попытки конверсии оборонных предприятий провалились, и связанные с ними группы начали стремительно мигрировать. Казалось бы, регион ждет очередная архаизация. И действительно, население сокращалось (хотя и не столь катастрофически, как, скажем, в XVIII столетии), а наиболее передовые в техническом отношении предприятия закрывались или сворачивали производство.

Однако развитие пошло по иному сценарию. Дело в том, что в отличие от прежних времен, когда удаленность региона была абсолютной, теперь Дальний Восток оказался «дальним» только для собственной страны и ее столицы. По соседству с ним расположились глобальные постиндустриальные центры АТР (Шанхай, Осака, Токио, Гонконг и т.д.), чьи агрессивные экономики остро нуждались в ресурсах и готовы были за них платить. В итоге вместо обычной консервации регион включается в глобальные экономические процессы. Глобализация, со всеми оговорками, понятными при применении этого термина к Дальнему Востоку, становится средством выживания дальневосточной окраины. Именно приграничная торговля и последующие более крупные обмены спасли в 1990-е годы и приграничные территории Приморья, и Еврейскую автономную область, и другие районы. И хотя регион интегрировался в АТР не совсем так, как мечталось идеологам постиндустриального развития, не в статусе центра экономики знания, а в качестве поставщика сырья, даже такое включение при незначительном населении делало региональную экономику вполне эффективной. Уже второй половине 1990-х годов региональные центры обретают определенный лоск и обрастают социальной и досуговой инфраструктурой, существенно превосходящей советские аналоги.

Со временем волна экономической активности докатилась и до региональной периферии — малых городов Дальнего Востока. Из «черных дыр» на экономической карте региона, какими они были большую часть 1990-х годов, эти города постепенно превращаются в места не то чтобы особенно комфортного, но вполне сносного проживания. Соответственно, сокращается и отток населения. Так, в Амурске он снижается до 120—130 человек в год, хотя вплоть до кризиса 1998 г. город ежегодно покидали более тысячи жителей. Ресурсы, с помощью которых малые города смогли выжить, были различными, совсем не обязательно связанными с приграничной торговлей. Однако именно здесь, в пространстве «черных дыр», государственное давление было наиболее слабым. Это и позволяло сложиться порядку, обеспечивавшему выживание.

В «нулевые» годы вектор развития вновь изменился. Государство вспомнило о существовании дальневосточных территорий. Более того, у него появились ресурсы, которые можно было направить на их освоение, ведь согласно официальной статистике и неофициальной мифологии они были пусты, бедны и остро нуждались в инвестициях. И инвес-

тиции (под федеральные целевые программы) потекли в регион, а вместе с ними пришли и новые жесткие правила игры, почти никак не соотносившиеся со сложившимися. Здесь-то и возникло противоречие, порой выливающееся в открытые акции гражданского неповиновения¹⁸, но по большей части выражающееся в форме более или менее явного оппортунизма как «оружия слабых»¹⁹.

В сознании дальневосточников происходящие процессы все чаще осмысляются не столько как освоение, сколько как подчинение Дальнего Востока, превращение его в колонию. Соответственно, прежнее существование трактуется как самостоятельное, свободное²⁰.

Огромные вливания в экономику региона, если нет возможности перераспределить их в интересах местного сообщества, воспринимаются как форма колонизации, способ захвата территории²¹. Отсюда всплеск общественного интереса к поиску самоопределений дальневосточников, описаниям их особенности. И здесь немалую роль играют контакты с Китаем, которые, по мысли ряда идеологов и исследователей, порождают новое качество населения²². Если в начале постсоветского периода близость к Китаю трактовалась как угроза, то сейчас она все чаще интерпретируется как ресурс, притом такой, который нужно оберегать — прежде всего от Москвы²³.

Все это предельно наглядно проявилось в ходе подготовки и проведения саммита АТЭС во Владивостоке. Казалось бы, ситуация уникальная, и Дальний Восток действительно выходит на авансцену российской политики, становится основой общенационального проекта «восточного поворота», «ворот в Азию», способных уравновесить «окно в Европу». Попробую чуть подробнее раскрыть этот посыл.

В период, когда Европа процветала, а Азия оставалась глухой мировой провинцией, вариант «восточного развития», о котором впервые зашла речь в конце XIX в., был не более чем политической экзотикой, лишенной экономического смысла. Отсюда колебания и нерешительность Санкт-Петербурга, приведшие к позору Русско-японской войны 1904—1905 гг.²⁴

Сегодня положение иное. Европу лихорадит, причем ощущения, что больной идет на поправку, не возникает. Кипр, Греция, Испания и Португалия все глубже увязают в пучине кризиса. На очереди Италия и Словакия. В этих условиях стремление решить проблемы «родных» за счет «двоюродных» видится почти неизбежным. Более того, все попытки нашей страны (впрочем, довольно робкие) закрепиться в каком-либо секторе, кроме поставки энергоресурсов, гасятся на корню. Ситуация вполне устраивает Европу. Но устраивает ли она Россию? Все большее распространение получает мнение, что на жестко структурированном европейском рынке места для нас просто нет. Тут и всплывает «восточное направление». Рынок АТР сейчас существенно шире европейского, гораздо динамичнее развивается, остро нуждаясь в сырье, и не только углеводородном. Главное же, на этом рынке место для России не то чтобы готово, но потенциально имеется.

¹⁸ Бляхер 2009.

¹⁹ Дятликович 2008.

²⁰ <http://irsolo.ru/dalnij-vostok-posle-sammita-snova-tranzitnaya-koloniya/>.

²¹ Лебедев 2012.

²² Подробнее см. Бляхер 2004а.

²³ <http://publicpost.ru/blog/id/11841/>.

²⁴ Межуев 1999.

Беда в том, что Россия соприкасается с АТР регионом, который на протяжении почти всей своей истории был не торговой территорией, а крепостью. Именно под эту задачу выстраивались его промышленность и транспортная сеть, основывались города и заселялись пространства. С европейской частью страны Дальний Восток связывают узкая полоска Транссиба, плохо проложенная автомобильная трасса и не блестящее авиасообщение. Промышленный потенциал региона составляют предприятия ВПК, чья затратность традиционно компенсировалась заявлениями, что «на политике мы не экономим». Иными словами, в случае «поворота на Восток» на ключевую роль выдвигается регион, принципиально для этого не приспособленный. Значительная часть его населения продолжает мыслить в категориях военного форпоста и ностальгировать по временам, когда этот тип мышления имел под собой основания. Его промышленность предельно нерентабельна, транспортная инфраструктура пребывает в зачаточном состоянии, а энергетика устроена настолько нерационально, что даже наличие энергетических мощностей не решает проблемы. Все это так. Именно это и приводило к бесконечным колебаниям всякий раз, когда возникала идея «выхода в АТР».

Но сегодня существует реальный шанс изменить ситуацию. Во-первых, у страны пока еще есть ресурсы для преобразования региона. Во-вторых, на протяжении почти двух десятилетий дальневосточники на свой страх и риск при минимальной поддержке со стороны государства интегрировались в АТР. Больно, плохо, но интегрировались. Число жителей региона, для которых сопредельные страны перестали быть чем-то неведомым, постоянно растет. В-третьих, альтернативы «восточному повороту» ни у России, ни у российского Дальнего Востока, похоже, нет. В рамках этого проекта находится место и для федерального центра, и для местных элит, и для России в целом. На первый взгляд неожиданное, но желанное совпадение интересов Москвы, дальневосточного бизнеса, населения страны, страдающего без «объединительных скреп», да и деловых кругов самих сопредельных государств.

Однако сплочения рядов не наблюдается. Напротив, все усиливается поиск особенных черт дальневосточника, выделяющих его из общей массы россиян²⁵. Отчасти это связано с тем факультативным обстоятельством, что появление видимых контуров «восточного поворота» совпало по времени с политическим кризисом 2011/2012 гг. Соответственно, сам смысл проекта трактовался в контексте протестных действий. Конечно, это во многом помешало идее восточного поворота стать консолидирующей основой для новой политической нации, да и просто получить внятную артикуляцию. Но было и иное. Модернизационные проекты, реализуемые и планируемые в регионе, вошли в противоречие с интересами сложившихся за десятилетия локальных территориальных общин, их практиками социальной и хозяйственной деятельности.

²⁵ О наличии этой тенденции свидетельствуют, в частности, материалы регионального конкурса «Мы — дальневосточники», проведенного в 2011 г.

Локальные сообщества как основа выживания

²⁶ Scott 1998
(перевод на русский язык см. Скотт 2005).

В своей нашумевшей книге о причинах провала проектов улучшения условий человеческой жизни Дж. Скотт²⁶ рассматривает взаимодействие локальных общин, выживающих в ситуации, когда, по мнению «цивилизованного человека», они должны гибнуть, и государства. Государство («богатые» в терминологии Скотта) с его представлениями о нормальности стремится к несомненно благородной, на его взгляд, цели. Оно хочет сделать жизнь «бедных» (локальной общины) лучше, дать им работу, зарплату, систему социальных гарантий, то есть те самые классические общие блага, которые и делают его существование легитимным. Но глупое сообщество «бедных» совершенно не желает отказываться от сложившегося образа жизни и опробованных практик взаимной поддержки. С его точки зрения, старания «богатых», будучи полезными для части сообщества, являются губительными для него как целого. Не менее важно, что внедряемые новации меняют статусную структуру сообщества, лишая его лидеров привычного положения. В зависимости от обстоятельств это противоречие может принимать форму открытого противостояния, но скорее будет проявляться в виде противодействия модернизационным усилиям «богатых» (государства).

Подобный сценарий и реализуется сегодня на Дальнем Востоке России. И если в крупнейших городах ДФО это противодействие сглаживается возможностью использовать ресурсы бюджета, наличием значительного числа государственных служащих со стремительно растущей зарплатой и высокооплачиваемых представителей культурного и интеллектуального истеблишмента, а также мультиэффектами, которые порождает присутствие массы состоятельных (платежеспособных) людей, то в малых городах ситуация иная. В качестве примера здесь будут рассмотрены три дальневосточных города — Дальнереченск (Приморский край), Амурск (Хабаровский край) и Биробиджан (Еврейская автономная область).

Города разные и по времени возникновения, и по принципам организации территориального сообщества. Но именно это сообщество, представляющее собой некий аналог общины, становится в них основой для выживания. Важно и то, что эти города в большей или меньшей степени оказались неинтересны центральной власти. Там не было ни портов, ни уникальных месторождений полезных ископаемых, там не конденсировалось политическое влияние. Там была лакуна, «прореха» в правовом и политическом пространстве, что и позволило родиться особому неформальному порядку.

Термином «община» в настоящей работе я обозначаю неформальное объединение людей, ведущих совместное хозяйство на некоей территории и осознающих свою общность. Специфика исследуемых городов заключается в том, что те виды деятельности, которыми в них формально занимаются члены общины, довольно опосредованно связаны между собой. Однако через отношения взаимопомощи и участия людей в рискованных обстоятельствах друг друга эти виды деятельности начинают составлять единое комплексное хозяйство, цель которого — выживание

общины. Наличие таких общин и дает основания для сопоставления данных территориальных объектов. Различия же между ними позволяют выявить условия, в которых этот способ социальной организации остается функциональным.

Для анализа социальной ткани рассматриваемых городов и структуры местного сообщества зимой 2012/2013 гг. было проведено эмпирическое исследование в виде серии биографических интервью. Всего было собрано 45 интервью (12 — в Амурске, 16 — в Дальнереченске, 17 — в Биробиджане). Среди респондентов — сотрудники областной администрации, муниципальные служащие, предприниматели, работники местных производств, врачи, преподаватели вузов, учащиеся, пенсионеры и др. Кроме того, были проинтервьюированы три студента Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск), приехавшие из изучаемых городов.

Дальнереченск, районный центр Приморского края, расположен в пограничной полосе с КНР. До краевого центра 430 км. Население (по последней переписи) 27 604 человека. На территории городского округа проживают 30 780 человек. Средний возраст 36,7 лет.

Исторически город возник в 1859 г. как казачья станица Графская, названная в честь Н.Н.Муравьева-Амурского. В 1894 г. в связи со строительством железной дороги на месте станицы был создан город Иман. Помимо железнодорожного узла там располагались деревообрабатывающие предприятия (лесопилки) крупнейших промышленников региона Скидельских и Стрелецких, представительство торгового дома «Кунст и Альберс», таможня, развивалась винокуренная и пищевая промышленность. С момента основания в Имане дислоцировались многочисленные военные части (казачьи и пограничные), а также речная флотилия. С военными частями была связана деятельность городских кустарей.

В советские годы ключевым направлением городского хозяйства являлась деревообработка. Функционировали Приморский деревообрабатывающий комбинат, Дальнереченский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат, лесозаготовительные конторы, бондарный завод по производству тары для рыбной отрасли Приморья. На основе местных запасов песка, щебня и гравия осуществлялось производство строительных материалов (завод «Кирбет», цементный завод). Продолжала развиваться пищевая промышленность — хлебокомбинат, мясокомбинат, колбасный цех и др. До недавнего времени в городе базировались Отдельная бригада сторожевых кораблей, батальон связи, ряд пограничных застав.

В постсоветский период предпринимались попытки организовать в Дальнереченске крупный центр деревообработки, однако ввиду крайне дорогой электроэнергии и наличия дешевых китайских изделий они не увенчались успехом. На сегодняшний день в городе действует лишь Приморский деревообрабатывающий комбинат, число работников ко-

торого по сравнению с советскими временами сократилось в разы (с 2,5 тыс. человек до менее чем двухсот). С ДОК связано несколько торговых предприятий. Пищевая промышленность представлена ОАО «Пекарь» и птицевосхозом «Соловьевский». Радикально уменьшилось количество военных частей и соответствующей инфраструктуры.

Значительная часть населения Дальнереченска занята на обслуживании Дальневосточной железной дороги. В городе расположены три железнодорожные станции (Дальнереченск I, Грушевое и Лазо), а также пристань на р. Большая Уссурка (в настоящее время ее хозяйственное значение минимально). В целом на ключевых предприятиях города, включая железную дорогу, трудится менее 5 тыс. человек.

В 1990-е годы в Дальнереченске активно развивался челночный бизнес. Даже сегодня там действуют два рынка, однако этот вид занятости стремительно сокращается. Через город проходит трасса федерального значения «Усури» (Хабаровск — Владивосток). В связи с этим определенное значение приобретает индустрия гостеприимства (придорожные кемпинги, две гостиницы, кафе и рестораны).

Основой социальных отношений в Дальнереченске выступает многопоколенная семья. С родством считаются, его ценят и используют.

«Обратилась ко мне тетка. Типа надо помочь с работой сыну. Так я недели три пробежал. Весь город на уши поставил. Понятно, решил вопрос. Но сколько я потом был должен, не пересчитать. А отказать? Как откажешь?! Да, сын-бездельник, беда ходячая. Но она-то сестра матери. А там, может, и к ней обратиться придется. Если заболит кто» (мужчина, 54 года, бригадир ДОК).

Контакты с большой семьей, плотность родственных связей, да и сама функциональность этих связей сохраняются и при переезде бывших жителей города в Хабаровск или Владивосток.

«У меня муж сестры двоюродной ремонт делал. Ну, договорилась. Я заплатила. А он тянет. Там дел на четыре дня. А у него неделя проходит, другая. И ничего толку. Типа, извини, сестренка, работа выгодная подвернулась. Я терпела-терпела, а потом сестре все и выдала, что расскажу в Дальнем, как они с родней себя ведут. Так он сам прибежал, за два дня все сделал» (женщина, 25 лет, сотрудница МВД).

Семьи проживают в городе не одно поколение, что и предопределяет прочность родственных связей, делая их все более разветвленными. В большие семьи могут входить и иные акторы — соседи, школьные друзья, знакомые по работе. Они составляют функциональную периферию общины, служат пространством взаимодействия между общинами.

«Вот в том домике, ближе к реке, тоже наши друзья живут. Он в нашей больнице много лет гинекологом был. Считай, полгороду пуповины перевязывал. Он уже давно на пенсии. А все равно. Мы как что к ним бежим. Ну и помогаем, понятное дело» (женщина, 54 года, предприниматель).

Амурск, районный центр Хабаровского края, заметно крупнее Дальнереченска. Население муниципального округа — 45 623 человека (города — 43 420 человек). Средний возраст горожан — 49,3 года. В отличие от Дальнереченска, обладающего, по дальневосточным меркам, изрядной историей, Амурск — типичный советский рабочий поселок. В 1958 г. начинается строительство целлюлозно-картонного комбината недалеко от села Падали-Восточное, в 1960 г. оно объявляется всесоюзной ударной комсомольско-молодежной стройкой, и поселок городского типа Амурск становится райцентром. В 1973 г. он получает статус города. Город расположен вдоль амурской протоки Сандинка. До ближайшей железнодорожной станции — 18 км. Автобусное сообщение с Комсомольском-на-Амуре (45 км) и Хабаровском (328 км), летом действует также сообщение по р. Амур. Помимо целлюлозно-картонного комбината (ООО АмурДОК), в городе функционирует завод «Вымпел» (оборонное производство), горно-металлургический комбинат группы «Полиметалл», ООО «Амуркамень» и ряд других предприятий.

До самого недавнего времени все эти промышленные объекты либо были остановлены (в том числе ЦКК, где трудилось до трети трудоспособного населения города), либо работали с частичной загрузкой. И хотя уже много лет существует проект технополиса «Комсомольск—Амурск—Солнечный», частичное восстановление промышленности в городе началось только на закате «нулевых» годов в связи со значительными государственными инвестициями.

По сравнению с 1989 г., когда в Амурске проживало около 60 тыс. человек, его население уменьшилось примерно на четверть. Основные направления миграции — Комсомольск-на-Амуре и, несколько меньше, Хабаровск, причем уезжает прежде всего молодежь (что, бесспорно, сказалось, на демографической структуре города) и квалифицированные работники. В результате, несмотря на существующую в городе безработицу, там ощущается острая нехватка кадров. Не случайно промышленное строительство в Амурске осуществляется главным образом региональными фирмами, минимально использующими местную рабочую силу. На вопрос об основной сфере занятости населения один из респондентов в ходе пилотного интервью ответил: «Криминал». Но поскольку статистика преступлений по городу и району ниже, чем в соседнем Комсомольском районе, можно предположить, что речь идет прежде всего о неформальном характере трудовой активности.

Социальная ткань в Амурске изначально задавалась не большой семьей, а заводом и цехом. Подавляющее большинство жителей города составляли приезжие, и не только из Хабаровского края, но и из других регионов страны. Семьи, дружеские привязанности и сами основания коммуникации складывались уже по приезду в город (поселок). Как и большая часть подобных поселений, город строился по принципу микрорайонов. Люди, работавшие в одном цехе, на одном предприятии жили в одних и тех же домах, вместе отдыхали, водили детей (а то и сами ходили) в одни и те же детские сады и школы и т.д. Все это приво-

дило к формированию сильных неформальных связей, распространявшихся намного дальше, нежели производственная сфера.

«У нас все было, как сказать, совместное, что ли? Коммунизм такой [смеется]. Жены детей друг на дружку перекидывали. ... Крикнет: „Пригляди за моим!“ — и убежит. Вместе в дом отдыха, вместе в ДК. Ну на работе вообще понятное дело. Здесь сосед с третьего этажа, а здесь — со второго. А там — из подъезда рядом. Очень дружно жили. Привыкли — все вместе. И дети наши вместе росли. В одни школы ходили, в одних кружках занимались. Это Амурск. Здесь каждый друг за друга» (мужчина, 64 года, пенсионер).

«У нас все стараются, чтобы в дело соседей... привлечь. Рядом живут, знают друг про друга все. Свои. Такие не кинут. Если что, наоборот, впишутся за друга. Мы не как в Хабаровске. Мы вместе все живем. Дело вместе, баня вместе, охота, опять же, с соседями сподручнее» (мужчина, 41 год, предприниматель).

Но при всей разветвленности сетей, охватывающих, по словам респондентов, десятки человек, их плотность невелика. Многие из уехавших сохраняют связь только с ближайшей родней. Не очень склонны поддерживать прежние контакты и лица, добившиеся успеха, сделавшие административную карьеру в городе и районе. Это достаточно четко проявляется, в частности, в интервью с работниками муниципалитета.

«Мы стараемся по возможности не ходить в бани, на застолья. Тут коррупция и начинается. Знаете, не так трудно отказаться от денег. Придет такой орел, а ты его и пошлешь в... Сами понимаете. Даже приятно смотреть на его обалдевшую физиономию. А как отказаться другу, приятелю? Здесь труднее. На этом раньше многие палились, особенно вначале. Сейчас другое время. Возможности другие. Сейчас это никому не надо. Надо просто нормально работать» (мужчина, 43 года, работник муниципалитета).

Самым крупным из изучаемых объектов является **Биробиджан**, административный центр Еврейской АО, расположенный вдоль р. Бира (приток Амура) и Транссибирской магистрали (станции Биробиджан I, II и III). Население 75 413 человек. Средний возраст — чуть больше 34 лет. Стоит отметить, что Биробиджан был первой на Дальнем Востоке попыткой создания «идеального социалистического города» — правда, еще менее удачной, чем «город-на-заре» (Комсомольск-на-Амуре).

Возникнув в 1912 г. в качестве железнодорожной станции Тихонькая (первоначально — заимка Тихонького), в 1928 г. будущий Биробиджан стал центром переселения «трудящихся евреев», а в 1934 г. получил статус города. В настоящее время в городе развивается преимущественно легкая промышленность на основе местной сельскохозяйственной продукции и природных ресурсов. Частично функционирует завод силовых трансформаторов (40 работников) и авторемонтный завод. Круп-

нейшее в прошлом предприятие «Дальсельмаш» распалось на ряд мастерских, осуществляющих ремонт сельскохозяйственной техники для нужд возрождающегося производства бобовых.

Значительное место в хозяйстве Биробиджана занимает взаимодействие с сопредельными территориями КНР (прямая железнодорожная ветка связывает город с таможенным переходом в с. Ленинское). С 2004 г. в городе размещается управление Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, строящегося в области. Именно с этим комбинатом связаны сегодня надежды и областной, и городской экономики. Китай, заинтересованный в продукции комбината, строит дорогу и мост для ее транспортировки.

Несмотря на статус областного центра, в 1990-е годы город переживал трудные времена. Блокирование связей с Хабаровским краем, частью которого ЕАО была до 1990 г., повлекло за собой спад как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Альтернативой этим сферам занятости становятся челночное движение, развитие малого предпринимательства, активизация меновой торговли с селом (обмен продуктов на «городские товары»). Именно в этот период и начинают устанавливаться контакты с КНР. Первоначально, как и в Дальнереченске, речь шла о приграничной торговле. Позже стали возникать совместные предприятия по производству и переработке бобовых культур, ориентированные на китайских потребителей, строительные и ремонтные компании. Сокращение внутрорегионального рынка компенсировалось выходом на рынок сопредельной державы.

В «нулевые» годы федеральные трансферты дают толчок развитию строительства и производства стройматериалов, китайские предприниматели «поднимают» сельское хозяйство области, а вслед за сельским хозяйством появляется пищевая, мебельная, швейная промышленность и т.д. Но даже в условиях относительного подъема основной хозяйства области остаются бюджетные деньги, выделяемые Москвой и распределяемые местной властью.

Мне уже доводилось писать о специфике социального взаимодействия в ЕАО²⁷. Совмещение (примерно в равных пропорциях) традиционных устоев еврейской семьи с многопоколенными общинными сетевыми структурами казачьего населения привело к формированию крайне разветвленных и устойчивых семейных и местных связей, тем более что, в отличие от большинства других дальневосточных территорий, примерно с середины 1930-х годов ЕАО перестала быть центром переселенческих потоков и ее население росло главным образом за счет естественных процессов демографического воспроизводства. Более того, здесь возникла специфическая идеология, позволяющая объединить все «местное», в том числе национальный статус области и ее столицы. Как отмечалось в нескольких интервью, в области сложилась особая общность людей — «еврейцы». Это осознание собственной «особости» пронизывает территориальное сообщество Биробиджана снизу доверху, делая его необычайно плотным. Если жителям Дальнереченска и Амур-

²⁷ См. Соловченков, Бляхер 2009; Бляхер, Пегин 2011.

ска приходится решать проблему самоопределения, то здесь ответ достаточно очевиден.

В советский период роль семейных и местных связей как инструмента выживания была очень невелика. Они скорее формировали неявный (хотя и ощутимый) фон жизни, определяли внепроизводственные контакты, сказывались в досуговых и теневых сферах, составляя те самые «невидимые», подавленные государством структуры. Но по мере того как существовавший режим начинал давать сбои, они все больше выходили на поверхность. Уже в последние советские годы, по воспоминаниям респондентов, их значимость заметно возросла. Дружба и приязнь, родство и соседство служили страховкой для «несунов», становились основанием для экономики обменов — краску на продукты, одежду на пиломатериалы и т.д.

Несмотря на различия в природе и плотности социальных связей внутри общины, ее функции в рассмотренных городах оказывались очень близкими. Община была призвана обеспечить выживание и безопасность своих членов. Чем сильнее деградировала «официальная» экономика, тем заметнее проявляли себя общинные формы жизни. Более того, существовал процесс, который вел к их усилению.

Так сложилось, что даже в советские годы, отличавшиеся относительно высоким уровнем притока новых жителей на Дальний Восток, в Дальнереченск и Биробиджан прибывали немногие. Да и в Амурске приток завершается уже в 1980-е. Дальнейший рост населения городов (продолжавшийся до 1990 г.) шел за счет естественного прироста при относительно молодом населении. Отток в «нулевые» тоже осуществлялся своеобразно. Отъезд на запад, в европейскую часть страны, был характерен скорее для крупных региональных центров. В исследуемых же городах массовым явлением (если не считать сравнительно массовой эмиграции в Израиль из Биробиджана в начале 1990-х годов) было переселение в ближайший крупный город. Для Амурска — это Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск, для Биробиджана — Хабаровск, для Дальнереченска — Хабаровск и Владивосток. При этом уезжали, особенно в начальный период, самые мобильные, наименее связанные с общинной структурой. В свою очередь, в малые города перебирались жители прилегающих сел, леспромхозов, а также так называемых «северов». Ресурсом же, используемым при переезде, выступали родственные и дружеские связи.

«У нас многие перебрались в Дальнереченск. В основном родня из деревень. Здесь не Хабаровск, но все-таки больница есть, магазины, с работой проще. <...> Вот, например, дочка моей сестры. Она у нас два года жила, пока в техникуме училась. Потом и на работу ей помогли устроиться. А там она и мать, и братьев перетащила. Теперь все здесь живут» (женщина, 54 года, предприниматель).

Понятно, что эти связи продолжали поддерживаться и дальше. Тем самым число людей, ориентированных на общинные формы взаимодействия, возрастало.

В 1990-е годы, когда государство («богатые»), по сути, утратило интерес к малым городам, значение общины резко увеличилось. Территории городов, если там не было порта, нефтеносных или золотосных месторождений, попросту выпадали из поля зрения властей. Сообщества городов становились относительно замкнутыми, предоставленными сами себе. Выживание в одиночку выработало только одну успешную стратегию — отъезд. Оставшимся пришлось ориентироваться на групповые формы выживания.

«Живем, как можем. Друг другу помогаем. <...> Я, считай, всех одеваю. Муж, если нужна в строительстве, распилить чего, доски, это к нему. Бензин, солярка, всякий авторемонт — это к С. Мы же все вместе ему дело ставить помогали. Теперь он нам помогает. Вот К. свиней разводит. Я тоже держу, но для себя. А она — на продажу. Так В. ей остатки всякие из столовой, Ф. комбикорма подгонит. Я договорюсь на рынке, чтоб товар взяли на реализацию, или в ресторане на вокзале. Нормально живем» (женщина, 54 года, предприниматель).

Подобное сообщество позволяет минимизировать издержки, использовать все мыслимые источники выживания. Каждый член общины выполняет две функции — функцию собственно работника или предпринимателя и функцию участника предприятий других членов общины.

«Без родни сейчас никуда. Они и денег дадут, если в Китай съездить за имотьем. Они с врачом помогут. Когда рынок кормить перестал, я стала тамадой подрабатывать. Так первое время все заказы через родню шли. Ну и сама я всегда помогу. Вон дочь двоюродной сестры, когда в техникуме училась, все время у нас жила» (женщина, 54 года, предприниматель).

При этом участие это отнюдь не добровольное. Отказывающийся в помощи «своему» автоматически подвергается санкции со стороны всех остальных, вплоть до полного исключения из системы взаимопомощи.

Сама структура общины в минимальной степени иерархична. Скорее можно говорить о ядре общины, включающем в себя относительно небольшое (порядка 7—9 человек) число родственников или ближайших соседей, и периферии, которая может быть очень значительной. Представители ядра, как правило, знают всех участников сообщества, тогда как члены периферии могут знать только ядро. Однако присутствуют и традиционные формы презентации общины, встречи «всех» (свадьбы, похороны, дни рождения и т.п.).

Важной особенностью общины является и ее пребывание в пространстве «вне закона». В глазах относящихся к ней социальных агентов закон выступает как одна из угроз существованию сообщества. Вынести с работы пиломатериалы или поделиться вырезкой от только что забитой собственной свиньи для них вещи одного порядка.

«По закону... уж совсем жить не получается. Мы же как, ничего важного никто не нарушает. Мы не ворует, не убиваем, не

насилуем. У нас даже особых алкашей не водится. А так, ну бывает, нарушишь. Если нормальный мент или знакомый, всегда же договоришься» (мужчина, 43 года, предприниматель).

Формальное законодательство здесь заменяется спонтанно возникающими, но устойчивыми правилами, освященными жизненным опытом, обрастающими санкциями за неисполнение и моральным одобрением для тех, кто их соблюдает. Понятно, что эти правила работают только на локальном уровне. Попытка руководствоваться ими при внешнем взаимодействии вполне могла породить конфликт вроде того, что произошел между мэром Амурска и губернатором Хабаровского края на рубеже XX—XXI вв. Однако в условиях, когда правила игры «наверху» носят столь же неформальный характер (а такая ситуация на Дальнем Востоке сохранялась почти до второй половины «нулевых» годов²⁸), согласование интересов остается возможным. Иначе складываются отношения территориальной общины с формальным законодательством.

²⁸ См. Бляхер 2010б.

**Локальная
община
vs. государство:
от сосуществования
к противостоянию**

Поскольку основные практики общинного взаимодействия формируются «поверх закона», возвращение государства и ужесточение правил игры губительно для территориального сообщества. Не случайно в «нулевые» годы начинается более или менее очевидное противостояние подобных сообществ и власти. И в этот момент отчетливо дают о себе знать различия в принципах организации общины и плотности социальных связей.

Пожалуй, тяжелее всего столкновение с государством переживает территориальное сообщество Амурска, где сетевые связи изначально были несколько слабее, чем в других анализируемых здесь городах, а государственное воздействие оказалось самым сильным.

Дело в том, что город вошел в сферу интересов двух крупных компаний («Полиметалл» и «Дальлеспром»), чьи проекты (металлургический комбинат «Албазино» и целлюлозно-картонный комбинат) получили федеральное финансирование. Благодаря трехстороннему договору между компаниями, городом и государством за период с 2010 по 2012 г. отчисления в бюджет Амурска выросли в шесть раз. На эти деньги были реконструированы многие социальные объекты, обновлена дорожная инфраструктура и т.д.

Тем не менее, как видно из интервью, это вызывало энтузиазм только у лиц, так или иначе входящих в управленческие структуры города и самих строящихся предприятий. Для других жителей Амурска характерно скорее негативное отношение к происходящим изменениям. В качестве причин их неприятия упоминаются коррупция во властных органах, отсутствие активной социальной политики, незнание местных условий.

«Да они эти все проекты „пробили“ только для того, чтобы навариться на них, лихие деньги сорвать. Все же это знают. Весь

Амурск знает. Ну и с нашими поделились, конечно. Чтобы те не возбужали» (мужчина, 64 года, пенсионер).

«Все это никому не нужно. Сколько денег угробили на ДК! Лучшие бы мусор стали регулярно вывозить. Сейчас еще ладно, холодно. А летом, знаешь, какая вонь стоит. Или, там, снег убирать. Только в центре пяточок расчистят, а людям хоть из дома не выходи. Переломы сплошные. У меня продавец недавно руку сломала. Сама вся в синяках хожу» (женщина, 47 лет, предприниматель).

Сходные претензии высказываются во многих интервью. Однако, как показывает анализ городского бюджета, а также наблюдение на улицах города, если они и справедливы, то лишь отчасти. И спортивные сооружения, и кинотеатр, и Дом культуры (где регулярно проводятся городские мероприятия и два раза в день демонстрируются кинофильмы) посещаются активно. При ДК действует народный театр, в работе которого участвует более 50 амурчан, и его спектакли пользуются успехом.

Проведена реконструкция центральных улиц города и трассы, соединяющей Амурск с Комсомольском-на-Амуре. Отремонтированы два профессиональных училища, увеличены зарплаты педагогов, возросло и число поступающих. Идет работа по реконструкции городского парка. Да, действительно, снег в городе убирается не лучшим образом, подходы к подъездам завалены. Но это проблема не только Амурска, но и большей части дальневосточных городов. То же можно сказать и о вывозе мусора и благоустройстве межквартальных территорий.

Отдельная проблема — ветхое жилье и недостроенные объекты. На исходе советской эпохи в городе было заложено более двух десятков многоквартирных домов. Предполагалось, что туда переедут жители возведенных в свое время деревянных домов и общежитий, однако строительство завершено не было. Между тем отслужившие свой срок деревянные строения окончательно приходят в негодность. Их жители переселяются в опустевшие в связи с массовым отъездом в 1990-е годы дома, но средств на снос ветхого жилья в городском бюджете недостаточно. Тем не менее в последние годы начинает решаться и эта проблема. Четыре дома уже реконструированы и достроены (за счет «Полиметалла» и «Дальлеспрома»), три ветхих дома разобраны. Иными словами, претензии горожан не вполне обоснованны. Эту точку зрения отстаивают представители местного самоуправления.

«Я не знаю, что им еще нужно? Тарелочку с неба? Все, что можем, мы делаем. Город благоустраиваем, пенсионерам помогаем, культурные учреждения ремонтируем. Еще пять лет назад всего этого не было и близко. Знаете, как Амурск называли? Город-призрак. А сегодня живем. Перспектива есть. А им все плохо. Мы все у них воры. От жалоб в край и в прокуратуру устали отбиваться. Просто не хотят меняться, вписываться в новую жизнь. Разве не так?» (женщина, 43 года, работник муниципалитета).

В чем же причина негативного эмоционального фона, зафиксированного в том числе и в ходе массового опроса, проведенного в 2011 г.

Дальневосточным институтом социально-политических исследований? Ответ на этот вопрос содержится в ряде интервью с представителями старшего поколения горожан. Суть его — разрушается привычная и устоявшаяся жизнь.

«Конечно, когда Советский Союз рухнул, было очень плохо в городе. Заводы сразу закрылись. Ну, или не закрылись, так жили через пень-колоду. А потом еще этот конфликт был с краем, когда нам совсем перестали помогать. Но постепенно как-то утряслось. Кто мог, конечно, уехал. А мы все потихоньку приспособились. Кто-то торговлей занялся. Кто-то так, на огороде и скотине выживал, кто-то стал таксовать до Комсомольска. Ну пенсии платили, школы работали, училища. Ничего, жили. А теперь все это опять рушат» (мужчина, 67 лет, пенсионер).

Этот мотив звучит и в интервью с другими жителями города, не связанными с местной властью. Негативные настроения, вызванные разрушением привычного образа жизни, устойчивых человеческих контактов, вылились в ряд прямых выступлений: в 2010 г. горожане, выйдя на улицу, потребовали отставки местного Совета депутатов, а в 2013 г. — снижения тарифов ЖКХ. При всем том, что оба этих выступления не привели к сколько-нибудь значимому успеху, острота неприятия сложившегося положения вещей городским сообществом достаточно очевидна.

Стоит отметить, что в восприятии жителей (да и на практике) администрация города выступает здесь не столько в качестве представителя интересов горожан, сколько в качестве стороны в конфликте, причем стороны, противостоящей горожанам. Сами же горожане все больше организуются не в некий «хозяйствующий субъект», а в сети «против» происходящих изменений.

Не особенно оптимистически оценивается реальность и в интервью, собранных в Дальнереченске.

«Да какая сейчас торговля?! В прежние годы, когда клуб, где я работала, закрылся и мы начали в Китай ездить, торговля всех кормила. Сына в Хабаровске выучили. Дочку доучиваем. Все помогали. Дом, вон, строить начали. Теперь все сворачивается. Денег у людей нет. Торговли нет. А налоги платить надо. В этом году вообще и аренду, и вмененку в два раза подняли. Если бы не Миша [муж], не знаю, как бы жили» (женщина, 54 года, предприниматель).

Сходным образом описывают ситуацию и другие индивидуальные предприниматели.

«Какая торговля?! Мне знакомый из Владика предлагал партию товара под реализацию. Вроде и не мусор, а не взяла. Свое продать не могу... Если за день одну-две куртки продам — считай, удача. Так и живем» (женщина, 46 лет, предприниматель).

«Раньше, когда иномарки по трассе гоняли в Хабаровск, у меня нормальный оборот был. Водилы у меня все останавливались. Ели, кто-то на ночь оставался. А там и банька, и куражи. У меня и но-

мера нормальные. Потом пошлины подняли. Стали меньше гонять. Невыгодно стало. Теперь под заказ гонят, а это в десять раз меньше. Вот обороты и падают» (мужчина, 52 года, владелец кемпинга).

Согласно интервью, приоритеты занятости в Дальнереченске (вне зависимости от должности) выстраиваются в настоящее время следующим образом: ДВЖД, пожарная часть, мебельный комбинат, курорт «Шмаковка» (в 62 км от города), деревообработка и деревозаготовка, частная торговля, пищевая промышленность, другие сферы. Неожиданно высоким статусом обладают работники бюджетной сферы (врачи, преподаватели техникума, пожарные, полиция) — на общем фоне их зарплаты выглядят солидными. Ресурсы города существенно скромнее, чем в Амурске, но тем не менее городские власти не вызывают столь сильного отторжения.

«Они, как могут, так и работают. Можно было бы, конечно, лучше. Но люди есть люди. Всем жить нужно. Они не нагледят. Есть, конечно, уроды. Но так — люди как люди. С ними всегда можно договориться» (мужчина, 48 лет, предприниматель).

Сами работники муниципалитета очень скромно оценивают свои возможности. По их мнению, город датируется по остаточному принципу.

«Им во Владивостоке нужно только, чтобы здесь все тихо было. Остальное им по барабану. Отчислений от предприятий почти нет. Торговля задыхается. А тут еще законы такие, что ужас. А виноваты во всем одни мы. Они там все чистенькие и беленькие. Люди не живут, а выживают. Потому во Владике и в Хабаровске скоро наших будет больше, чем в Дальнереченске. Бегут люди» (мужчина, 54 года, работник муниципалитета).

Вместе с тем реальный отток из города гораздо ниже, чем можно было бы ожидать, исходя из текстов интервью. Довольно противоречивое впечатление производит и сам город. При всем том, что недостаток средств городской и районной администрации виден (нет строительства, плохо отремонтированы учреждения социальной сферы и т.д.), Дальнереченск не производит впечатления заброшенного, особенно не парадная, а жилая его часть. Впрочем, вокзал и прилегающая к нему территория вполне благоустроены. В домах нишеты тоже не наблюдается.

Ухудшения, связанные с возвращением закона, очевидны. Увеличиваются налоги, повышаются таможенные пошлины, свертывается челночная торговля. Но появляются и новые виды деятельности. Активнее используются идущие еще от советских времен практики утилизации ресурсов рабочего места («несуны»), а также возможности подсобных хозяйств, которые постепенно становятся отнюдь не «подсобными». Наличие родственников и других членов большой семьи в крупных городах позволяет наладить эффективный обмен, торговлю. Иными словами, община продолжает выполнять свою функцию.

Стоит отметить, что внутриобщинные связи здесь сегодня заметно сильнее, чем в Амурске. Отчасти, наверное, это объясняется тем, что

Дальнереченск и, соответственно, его локальные сообщества имеют более длительную историю. Однако присутствует и иной аспект. В настоящее время государство в виде федеральных и региональных властей проявляет крайне ограниченный интерес к городу и территории (исключение — курорт «Шмаковка»). В результате местная власть оказывается теснее связана с населением, чем с иными уровнями управления, а само воздействие государства на общину — не столь разрушительным.

Еще более сильным является локальное сообщество Биробиджана, обладающее мощным консолидирующим потенциалом. Показательно, что, в отличие от амурчан, жители Биробиджана гордятся происходящими в городе изменениями, охотно говорят о них.

«Вы посмотрите, как все изменилось. Конечно, старого Биробиджана немножко жалко. Но зато центр — смотреть радостно... Мрамор, фонтаны, дома нарядные. У нас и концерты проводятся регулярно. Из Хабаровска, даже из Москвы приезжают. Можно сказать, интенсивная культурная жизнь... Понимаешь, что не совсем в провинции живешь» (мужчина, 71 год, пенсионер).

Как и в Дальнереченске, в Биробиджане крайне значим сетевой фактор. Однако строится он в данном случае не только на родственных связях, но и на знакомстве, совместном досуге, обмене услугами.

«Знаете, какой первый вопрос здесь задают, когда на работу принимают или просто собираются общаться? Кого ты знаешь? Не что ты закончил, не какую должность занимаешь, а кого знаешь. Отсюда и отношение к тебе. Знаешь „серьезных людей“, тогда ты человек. Нет? Тогда — пустое место» (женщина, 34 года, преподаватель университета).

«Как они контактируют? Да не на работе. То есть, на работе, конечно, тоже. Но это потом. Сначала в бане парятся, на охоту ходят. Так ранг и определяется. Кто с кем в бане и на охоте. Это уже как должность — „я с самим мэром в баню хожу“. Потом и на работе с ними все решают» (мужчина, 32 года, предприниматель).

«Вот твой дядюшка — большой человек. Академик, директор. А вот ему нужно было на прием к губернатору. Он туда-сюда, а никак. А я позвонил по мобильнику и договорился. Так-то. Я же Винникова еще по комсомолу знаю. В свое время столько водочки вместе выпили, что азохен вей» (мужчина, 57 лет, предприниматель).

Важной особенностью территориального сообщества Биробиджана является интегрированность в него представителей власти. Мэрия и администрация области здесь отнюдь не выделенные структуры, а вполне «освоенные» местным сообществом. В первую очередь это, разумеется, госзаказ или иная возможность приобщиться к благам бюджета. Но не только. В интервью неоднократно упоминались ситуации, когда административные лица выполняли в отношении территориального сообщества функции, далеко выходящие за пределы их служебных обязанностей: выступали в качестве третейских судей в неформальных

хозяйственных спорах, составляли протекцию жителям перед внешними агентами и т.д. Такие неформальные функции формального лидера и создают ему авторитет в сообществе, позволяют это сообщество «видеть». В противном случае руководитель отторгается территорией, что при наличии прочных социальных связей означает его провал как управленца.

В целом территориальное сообщество в Биробиджане производит впечатление не менее высоко интегрированного, чем в Дальнереченске, но гораздо более сложно организованного. Неформальные структуры здесь не столько противостоят формальным, сколько пронизывают их, включают в себя. Сложность организации позволила сообществу не просто обеспечить выживание своих членов, но и растворить в себе ресурс, предназначенный для модернизации.

Большая часть средств, поступающих в город в виде федеральных трансфертов, перераспределяется в пользу местного сообщества. Причем в силу наличия «своего» губернатора территория получает возможность противодействовать всем попыткам проникновения в нее внешних, не устраивающих ее смыслов и социальных групп. Объединению разрозненных и локализованных общин в целостное территориальное сообщество благоприятствует квазиэтнический фактор (еврейская область), позволяющий легально претендовать на признание собственной особенности, что, в свою очередь, создает пространство для переговоров с государством. Именно наличие такого пространства и делает сеть крайне эффективной, способной «решать проблемы». При этом сама сеть расширяется, усиливается за счет новых членов, стремящихся использовать данный ресурс.

* * *

Итак, спонтанный порядок, возникающий на периферии в лакунах политической власти, вполне способен обеспечить выживание общества за счет объединения ресурсов его участников, минимизации транзакционных издержек и организации комплексного хозяйства. Однако в определенных условиях само его существование оказывается вызовом для полицейского (упорядочивающего) воздействия государства, воспринимаясь адептами последнего в качестве его альтернативы — и на деле становясь таковой.

Характер и результат противостояния между территориальной общиной как формой существования входящих в нее людей и государством зависят от нескольких факторов. Во-первых, это плотность и стабильность самой общинной организации, ее эффективность в решении повседневных проблем участников объединения. Во-вторых, наличие/отсутствие некоей формальной и легальной властной структуры, встроенной в общину. В-третьих, степень заинтересованности государства в данной территории и реализации данного модернизационного проекта. Если эта заинтересованность велика, то мощи государства, скорее

всего, хватит на то, чтобы раздавить общину. И, наконец, в-четвертых, мера несовпадения интересов государства и общины.

В принципе интересы государства и территориального (локального) сообщества редко совпадают, особенно если община уже сложилась, и сложилась в отвлечении от факта «государственных интересов». Однако опыт Биробиджана позволяет говорить о том, что такое положение вещей не обязательно продуцирует конфликт. Определяющей здесь оказывается институциональная возможность артикулировать особость и интересы общины, обозначить пути их согласования с интересами государства. Иными словами, община (да и не только община, но любое выделенное социальное образование) успешно выживает, если у нее есть легальный и легитимный «переговорщик», а также пространство, где эти переговоры возможны. Но и здесь долгосрочное согласование интересов часто затруднено тем обстоятельством, что не артикулированы интересы самого государства. В этих условиях избежать восприятия государственного варианта общего блага в качестве формы структурного насилия крайне сложно.

Библиография

- Бляхер** Л. Е. 2004а. Потребность в национализме, или Национальное самосознание на Дальнем Востоке России // *Полис*. № 3.
- Бляхер** Л.Е. 2004б. Политические мифы Дальнего Востока России // *Полис*. № 5.
- Бляхер** Л.Е. 2009. Почему «шумит» Приморье? // *Вопросы местного самоуправления*. № 6.
- Бляхер** Л.Е. 2010а. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // *Полития*. № 1.
- Бляхер** Л.Е. 2010б. Еще раз о «правовом нигилизме», или Об «обычном праве» на постсоветском Дальнем Востоке // *Полития*. № 3—4.
- Бляхер** Л.Е., Васильева Л.А. 2009. Дальний Восток России в режиме консервации: между «глобальной экономикой» и «государственной опекой» // *Полития*. № 2.
- Бляхер** Л.Е., Пегин Н.А. 2011. Биробиджан: между «потемкинской деревней» и nation-building // *Полития*. № 1.
- Гельбрас** В.Г. 2004. *Россия в условиях глобальной китайской миграции*. — М.
- Говорухин** Г.Э. 2007. *Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона*. — Комсомольск-на-Амуре.
- Гудков** Л., Дубин Б. 2004. Милицейский произвол, насилие и полицейское государство // *Неволя*. № 1 (<http://www.index.org.ru/nevol/2004-1/dubin.htm>).
- Дятликович** В. 2008. «Закрывать» генерала // *Русский репортер*. № 4 (http://expert.ru/russian_reporter/2008/04/granica_na_zamke/).
- Заусаев** В.К. 2009. *Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года*. — Хабаровск.

История Дальнего Востока СССР: Период феодализма и капитализма. 1983. — Владивосток.

Кабузан В.М. 1985. *Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640—1917): Историко-демографический очерк.* — М.

Караганов С.А., Барабанов О.Н., Бордачев Т.В. 2012. *К Великому океану, или Новая глобализация России.* — М.

Кузин А.В. 2004. *Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922—1941 гг.* Дисс. на соискание уч. степени д.и.н. — Иркутск.

Лебедев А. 2012. Последняя колония // *Новая газета во Владивостоке.* 16.02 (<http://www.novayagazeta-vlad.ru/123/Obshchestvo/Poslednyayakoloniya>).

Межуев Б.В. 1999. Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века) // *Полис.* № 1.

Минакир П.А. 2001. Трансформация региональной экономической политики // *Экономическая наука современной России.* № 1.

Мотрич Е.Л. 2006. *Население Дальнего Востока России.* — Владивосток, Хабаровск.

Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года (<http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2012/136/>).

Соловченков С.А., Бляхер Л.Е. 2009. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (На примере Еврейской автономной области) // *Вестник СПбГУ. Сер. 12: Психология, социология, педагогика.* Вып. 1. Ч. 2.

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни.* — М.

Унтербергер П.Ф. 1912. *Приамурский край 1906—1910 гг.* — СПб.

Урнов М., Касамара В. 2010. *Современная Россия: Вызовы и ответы.* — М.

Филиппов А.Ф. 2012. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // *Отечественные записки.* № 47 (2).

Цымбурский В.Л. 2000. *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика.* — М.

Anderson B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* — L.

Pareto V. 1935. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology.* — N.Y.

Scott J.C. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed.* — L., New Haven.